

LETTERS TO THE EDITOR

UDC 94

**«The Palladium of Russia»?
Monarchism as a Discourse of Russian Modernity***

Konstantin D. Bugrov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin
620002, Sverdlovsk region, Ekaterinburg, pr. Lenina, 51
PhD (History), Researcher
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Abstract. The article examines the issue of studying Russian monarchism as a dominating force in the discourse of political culture from the 18th to the beginning of the 20th centuries. Being a product of the creative re-thinking of borrowings from Western European and Classical traditions on the Russian soil, monarchism in the Imperial Era acted as a pivotal method to discuss the relevant socio-political issues from the point of view of rational categories. Monarchism between the 18th and the 20th centuries cannot be reduced to an ideology of Russian conservatism or be considered a tradition that is overcome during the process of modernisation – rather, the discourse of monarchism was the essence of Russian modernity.

Keywords: monarchy; structure of government; Russian Empire; modernity; autocracy; N.I. Panin; N.M. Karamzin.

Введение. Когда в современном исследовании речь заходит об истории российской политической мысли и политической культуры, ее часто оценивают сквозь призму дихотомий «государство – общество», «прогресс – реакция»; так называемое «имперское мышление» противопоставляется модернистскому конституционализму, демократизму, экономическому развитию. Обобщая, можно сказать, что в фокусе истории российской общественно-политической мысли находится двойственность – «идеального» и «реального», «прогресса» и «традиции».

Подобная двойственность вынуждает катастрофически недооценивать феномен российского монархизма, расценивая его лишь как идеологию, защищающую специфически российскую государственную «мета-традицию»[1]. У монархизма, таким образом, есть два важнейших параметра: во-первых, он является идеологией [см.: 2, 3, 4], во-вторых, он анализируется сквозь призму дихотомии «идеального» и «реального» и, соответственно, может быть квалифицирован как «реакционный» или «прогрессивный» [5, 6, 7, 8, 9], в зависимости от исповедуемой конкретным историком концепции исторического прогресса.

Однако можем ли мы позволить себе роскошь сегодня оценивать интеллектуальное наследие Российской Империи исключительно сквозь призму дихотомии «консерватизм – прогрессизм», расставляя положительные и отрицательные знаки по своему вкусу? Не упускаем ли мы нечто важное, когда ярлык начинает подменять собой содержание? Доминирующий в российской историографии телеологический нарратив абсолютной монархии, которая в процессе реформ разрушает сама себя, должен быть пересмотрен [10].

Материалы и методы. В методологическом отношении я опираюсь на идеи германского философа П. Вагнера, который отказывается от упрощенного понимания модерности как набора институтов, более или менее успешно адаптированных в реципирующей среде, и считает ключевой характеристикой модерности существование в обществе устойчивых «вопросов» или «направлений зрения», так называемых «проблематик»: «Модерность характеризуется проблематиками (*problematiques*), которые

---

*Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.A12.31.0004 от 26.06.2013 г.

остаются открытыми, а не специфическими решениями данных проблем» [11]. Решительно отмежевываясь от какого бы то ни было культурного детерминизма, Вагнер считает, что упомянутые проблематики специфичны для каждой эпохи, вместе с тем в рамках эпохи они остаются открытыми. Таким образом, «ответы» на поставленные «вопросы» могут быть весьма разными, и в этом заключается основное, принципиальное свойство модерности и современного общества. Ниже я постараюсь продемонстрировать, что именно монархизм стал объединяющим способом обсуждения для различных «проблематик» в России XVIII – начала XX вв.

Обсуждение. До конца XVII в. Россия в силу ряда причин оставалась изолированной от европейского влияния. В частности, российские элиты не были знакомы с интеллектуальным наследием античности и, соответственно, не рассматривали политические отношения в аристотелианских категориях, категориях форм правления. Интересно, что, таким образом, россияне XVI–XVII в. расценивали российское «государство», то есть властный контроль государя над конкретной территорией и населением как единственную должную форму политической организации, испытывая концептуальные затруднения при столкновении с отклонениями от подобной нормы (европейские республики). Этот взгляд на социально-политическую организацию страны можно называть религиозным монархизмом, ключевой характеристикой которого, на мой взгляд, был отказ от использования компаративных перспектив и обсуждение «государства» в категориях Божественной милости – «веры» и «правды» [12, 13]. К тому же Московское государство XVI–XVII вв. опиралось – в представлениях современников – на собственную религиозную и династическую исключительность, представляя собой одновременно «Новый Израиль» и православный «Третий Рим» под властью государей «Августа кесаря корня» [14].

Так, Иван Грозный в первом послании князю Курбскому писал: «Земля правится божием милосердием, и пречистые богородицы милостию, и всех святых молитвами, и родителей наших благословением, и последи нами, государи своими, а не судьями и воеводами, и еже ипаты и стратиги. И еже воевод своих различными смертями расторгали есмя, а божиею помощию имеем у себя воевод множество и опричь вас, изменников. А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя» [15].

Цитата выглядит как непреходящая классика апологии самодержавного произвола, однако контекстуальный анализ показывает: речь попросту не шла об определении пределов политической власти государя, а, скорее, о том, являются ли действия Ивана Грозного обоснованными в религиозной логике [16]. Признание того, что «земля правится» Божьей милостью и молитвами вовсе не является фигурой речи: в дальнейшей переписке Иван Грозный будет указывать на то, что успехи русского войска в Ливонской войне – следствие божественного промысла, что Господь «животворящим своим крестом низложил Амалика и Максентия» и что «наступающей крестоносной хоругви никакая военная хитрость не нужна». Курбский в своем ответе царю писал, что «не Христовы это кресты, а крест распятого разбойника, который несли перед ним» и, ссылаясь на библейские примеры, заключал, что «скверным и коварным Бог всемогущий и святость его не помогают».

В данной связи можно обратить внимание, например, на анализ причин Смутного времени дяком И. Тимофеевым, который призывал современников: «Поищем у себя и все вместе постараемся, прежде всего, уяснить то, за какие грехи... наказана наша земля; ибо согрешили (все) от головы и до ног, от великих до малых... И если кто захочет (описать) по порядку все злодеяния – как эти, так и те, которые могли разжечь против нее неизменное божие определение, – поставлен будет в затруднение, – какое из них могло раньше других возбудить ярость гнева у судии: от одного ли какого-то неистового греха, как от многоголового змея, могущего своею тяжестью заполнить место всех зол, или от всех зол в совокупности, собранных в одно место, произошло наше наказание?» Назвав в числе грехов «необдуманную дерзость клятвопреступления», «безмерное употребление вина и обжорство», «ненасытное сребролюбие» и «зловонное произношение языком и устами матерных скверных слов», Тимофеев заключал: «Думаю, что все ранее указанные пороки (появились) у нас от (потери) страха божия, от потери сознания своих грехов, оттого что сердце наше окаменело и мы не ожидаем над собой суда <...> И если бы сначала нашим молчанием не делалось уступок ранее помянутому (Борису), то он не уничтожил бы на земле всех благородных и все благословенные семена, малые и великие, без остатка от головы

даже до ноги; и тогда бы злой львенок священно- и монахоругатель Гришка Расстрига, видя общую всем нам слабость и трусость... бессовестно не вскочил бы на престол богом помазанных (царей)» [17].

Грандиозные преобразования Петра I и интенсификация российско-европейского культурного трансфера привели к тому, что – среди прочих европейских инноваций – на российской почве был адаптирован аристотелианский политический язык, классифицировавший формы политической организации в связи с их движущими факторами, целями и задачами [см.: 18]. Так произошел колоссальный сдвиг в понимании характера российской государственности: монархия теперь воспринималась лишь как одна из форм правления, оптимальный характер которой для России был задан определенными социально-политическими факторами, поддающимися рациональному анализу. Благодаря более интенсивному взаимодействию с европейской культурной средой для российской социально-политической мысли стали актуальными аргументы в пользу того, что именно монархия – власть *одного* – является наилучшей формой правления для страны; в эпоху Ивана Грозного подобное обсуждение попросту невозможно себе представить. (Конечно, это не исключало сохранения внимания к религиозной тематике, остававшейся исключительно важной и в императорскую эпоху [19; 20]). Поэтому, говоря далее о монархизме, я подразумеваю именно этот секулярный монархизм, оперирующий в пространстве рациональных аргументов в пользу социальных действий.

Один из создателей монархического языка петровской России, архиепископ Феофан (Прокопович), был прекрасно знаком с глоссарием «форм правления». Так, его «Слово похвальное в день рождества благороднейшего государя царевича и Великого князя Петра Петровича» (1716) было в значительной степени посвящено именно различиям между формами правления. Позднее, уже в 1734 г., в «Слове в день воспоминания коронации Государыни Императрицы Анны Иоанновны», Феофан утверждал, что «многополезно есть Российскому государству владычество самодержавное, прозванное от Философов Еллински монархия и монархия: а прочия правления формы, или образы, то есть многоличное вельможей правительство, нарицаемое Аристократия, или всенародное зовомое Демократия, и другия из них составы, творимыя, были бы у нас не без бедствия». Монархия является наилучшей из возможных форм правления: «Который же вид правительства человеческому жительству полезнейший есть, монархия ли или аристократия, или демократия, или какая другия из оных трех растворенных составы, давное о том у Философов политических прение и немалое несогласие: однакож множайшая часть стоят за монархию» [21, 22]. Феофан четко связывал монархическую форму правления и процветание России в рациональных, причинно-следственных категориях, признавая связь между действиями подданных и действиями монарха в поддержании «общего блага».

Как отмечает американский исследователь П. Бушкович, Феофан вовсе не обосновывал какой-то особенный «абсолютизм» Петра I [23]; он использовал классические монархические доводы. Формировавшийся в императорской России дискурс монархизма вовсе не предполагал речи об извечном доминировании методов жесткого принуждения, о самовластном государстве, о заданных самой культурной средой алгоритмах развития России – и о том, является ли это принуждение, это самовластие, эти алгоритмы *злом*, которое надо преодолеть, или *ценой*, которой страна оплачивает свою независимость.

Напомню классическое мнение Екатерины II о связи между пространством государства и формой правления: «Если бы кто был настолько сумасброден, чтобы сказать: вы говорите мне, что величие и пространство Российской Империи требует, чтобы государь ее был самодержавен; я нимало не забочусь об этом величии и об этом пространстве России, лишь бы каждое частное лицо жило в довольстве; пусть лучше она будет поменее; такому безумцу я бы отвечала: знайте же, что, если ваше правительство преобразится в республику, оно утратит свою силу, а ваши области сделаются добычею первых хищников; не угодно ли с вашими правилами быть жертвою какой-нибудь орды татар и под их игом надеетесь ли жить в довольстве и приятности» [24].

Прежде всего, это мнение напрямую восходит к европейским идеям, более того – со времен Аристотеля и Цицерона подобная аргументация была «общим местом»¹. Что еще

¹ Например, в трактате «*De republica*» Цицерон приводит классический довод в пользу монархии: «Разве всем твоим домом управляет еще кто-нибудь другой, помимо тебя? Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных — что владычество отдельных лиц, если только они

более важно, Екатерина – в полном соответствии с европейской традицией – фиксировала рациональное обоснование существования российской монархии: изменение формы правления чревато для России иноземным завоеванием.

Это и есть ключевая характеристика секулярного монархизма России XVIII–начала XX вв.: способность найти для монархии рациональное обоснование либо опровержение. Противостоящие друг другу мнения «монархия для России является благом» (доминирующее мнение) и «монархия для России благом не является» (маргинальное на протяжении долгого времени мнение) образуют единый дискурс, в рамках которого возможно было обсуждать и прогнозировать социальные изменения, обосновывать те или иные политические действия, выражать свое отношение к конкретным феноменам общественной жизни. В этой связи в фокусе внимания с петровских времен и до самого 1917 г. оставался важный комплекс вопросов: как лучше организовать власть одного, какие социальные факторы ее поддерживают, как нужно воспитывать государя, какова ее социальная опора и каковы актуальные социальные задачи монархии.

В «Записке о древней и новой России» (1811) Н.М. Карамзин назвал «самодержавие» (т.е. монархию) «палладиумом России» [26]. Это сравнение представляется весьма емким: мифологический палладиум в «Илиаде» – это божественная реликвия, гарантировавшая Трое неприступность. Утратив палладиум, который выкрали ахейские герои Одиссей и Диомед, Троя потеряла неприступность и была взята и разрушена врагами. Палладиум даровал городу защиту, но и сам нуждался в бдительной защите и охране (трояницы, не сумев обеспечить такую охрану и проиграв ахейцам соревнование в доблести и мужестве, потеряли свой город); взгляд Карамзина на монархию, таким образом, предполагавший зависимость монархии от социальных факторов, радикально отличался от упомянутых выше рассуждений Ивана Грозного о том, что Русская земля держится Божьей милостью, а не «ипатами и стратигами».

Так, например, знаменитые рассуждения М.М. Сперанского о деспотическом характере российской монархии и о том, какие реформы надлежит предпринять, чтобы превратить ее в монархию законную [27], – не более, чем один из вариантов осмысления российского монархизма. Известно, что Н.М. Карамзин составил «Записку о древней и новой России» во многом как возражение Сперанскому. Общность дискурса демонстрирует нам сама способность обоих авторов к ведению дискуссии о том, какой должна быть российская монархия, чтобы быть устойчивой и эффективной. И точно так же множество исторических акторов – ярких и не очень, известных широко и практически неизвестных – обсуждали монархию: должна ли она быть воинственной или миролюбивой, является ли крепостное право для монархии благом или злом, какова роль закона в монархии и какие качества должны демонстрировать как сам государь, так и его подданные.

Современный специалист Н. Хеншелл, критикуя концепцию «абсолютизма», обоснованно отмечает: «Монархия абсолютна по определению, в этом... заключена ее сущность. Термин “монархия” означает “правление одного”, а не коллективное управление. И все же монархическая власть реализовывалась в различных стилях властвования» [28].

Так, вопреки господствующему мнению, о «конституции» в России можно говорить с середины XVIII в. – Манифест о вольности дворянской Петра III никогда не был отменен, как и Жалованные грамоты Екатерины II. Возможно, тот феномен общественно-политической мысли, который мы именуем «конституционализмом», может быть интерпретирован принципиально иным образом – как составная часть дискурса монархизма. Акцент вполне может быть сделан не на единстве «ограничительной»

люди справедливые, и есть наилучшее государственное устройство? <...> Ведь пока бояться нечего, можно и своевольничать, например, на корабле, а часто и при легкой болезни. Но подобно тому, как мореплаватель, как только по морю неожиданно начнут ходить волны, а больной, когда его состояние ухудшается, лишь одного человека молит о помощи, так и наш народ в мирное время и у себя дома повелевает и даже магистратам грозит, отказывает им в повиновении<...> но во времена войны повинуются им, как повинуются царю; ибо чувство самосохранения сильнее своеволия. А во время более трудных войн наши граждане постановляли, чтобы весь империй был в руках у одного, даже без коллеги, причем уже само название указывает на особенность его власти. Ибо диктатор так называется оттого, что его назначают, но в наших книгах, как ты знаешь, Лелий, его называют главой народа» [25]. Далее Цицерон указывает на то, что предпочитает царскую власть любой другой простой форме правления, а смешанную форму (сочетающую лучшие стороны каждой из простых форм), в свой черед, ставит выше монархии.

традиции, но на вопросе, «как именно должна функционировать монархия»? Задавшись таким вопросом, мы обнаружим, что на самом деле определения «ограниченный» и «неограниченный» вовсе не могут быть использованы как исследовательские категории.

Что, например, дает нам формулировка Основных законов Российской Империи 1892 г., где император охарактеризован как «самодержавный и неограниченный монарх». Что значит «неограниченный»? Один из консервативных юристов рубежа XIX–XX вв., П.Е. Казанский, писал: «Надо совершенно оставить в стороне мысль о том, чтобы власти русских императоров возможно было дать чисто юридическую конструкцию, как, положим, векселю или чеку. Исключительно юридические толкования в области основных вопросов публичного права вряд ли вообще могут дать вполне верное понимание вещей». На взгляд Казанского, «в границах... всенародных понятий Царь полновластен; но его полновластие (единовластие) – Самодержавие – ничего общего не имеет с абсолютизмом западно-кесаревского пошиба. Царь есть “отрицание абсолютизма” именно потому, что он связан пределами народного понимания и мировоззрения, которое служит той рамкой, в пределах коей власть может и должна почитать себя свободной» [29]. Важно, что Казанский (как и множество других консервативно настроенных авторов рубежа XIX–XX вв.) ссылается на народные представления для легитимации полновластия царя; еще один вариант рационального обоснования того, что монархия является для России благом. Итак, сам вопрос о пределах и границах власти монарха в императорской России обладал различными решениями; конституционно-правовой дискурс был лишь одним (хотя и крайне влиятельным) вариантом обсуждения.

Однако обратимся к одной из ключевых фигур «дворянского конституционализма» XVIII в., Н.И. Панину – влиятельному екатерининскому сановнику и воспитателю Великого князя Павла Петровича. Панин, которого очень часто характеризуют как «дворянского конституционалиста», действительно был настроен по отношению к екатерининской монархии весьма критично. Однако ему же принадлежит и такая характеристика власти государя – вполне в духе «Антимакиавелли» Фридриха II: «Верховная власть вверяется государю для единого блага его подданных. Сию истину тираны знают, а добрые государи чувствуют. Просвещенный ясностию сея истины и великими качествами души одаренный монарх, облекшись в неограниченную власть и стремясь к совершенству поскольку смертному возможно, сам тотчас ощутит, что власть делать зло есть не совершенство и что прямое самовластие тогда только вступает в истинное свое величество, когда само у себя отъемлет возможность к соделанию какого-либо зла» [30]. Используя попеременно язык права и язык морали, Панин доказывал, что без «правил непреложных» монархия уязвима.

Если мы – в соответствии с доминирующей историографической традицией – прочтем текст Панина, обращая внимание лишь на правовые доводы, то обнаружим «конституционалистскую традицию» [31], которую естественно противопоставить мнениям таких консерваторов, как упомянутый выше Казанский. Но если не изучать текст Панина выборочно, если уделить внимание всем его аргументам, то окажется, что позиции «дворянского конституционалиста» XVIII в. и «реакционного монархиста» начала XX в. весьма близки: государь не ограничен в своей власти (ибо «подобен богу»), но ограничен, ибо не может совершать аморальных поступков, не может творить зла. Панин завершает свой текст так, что под ним подписались бы многие и многие из «правых» начала XX в.: «Оставя все тонкие разборы прав политических, спросим себя чистосердечно: кто есть самодержавнейший из всех на свете государей? Душа и сердце возопиют единогласно: тот, кто более любим» [32].

С другой стороны, Империя располагала более или менее когерентным правовым корпусом, который позволял конкретным акторам совершать те или иные концептуальные действия в рамках правового глоссария монархизма: дополнять его, развивать, кодифицировать – наконец, и критиковать. Так, наместник Кавказа А.П. Ермолов в беседе с наместником иранского Азербайджана Аббас-Мирзой отмечал: «Не позволяю себе осуждать персидское правительство, но думаю, что и нашему нельзя отнести в порок то, например, что никто не может лишиться другого чести, ибо законы связуют своеволие каждого, тогда как вы и честь отъемлете, и жизни лишаете по произволу. У нас собственность каждого ограждена и никто коснуться ее не смеет, буде законы не допускают. У вас нет собственности, ибо имущество каждого принадлежит вам, лишь бы на то была воля ваша <...> У нас нельзя тронуть волоса. У вас избавляется один сильный, которого оскорбить опасно. Я не думаю, что неограниченное самовластие могло быть привлекательным, и не

слыхал, чтобы оно было залогом выгод народа» [33]. При этом в частной переписке Ермолов, с одной стороны, критиковал российскую монархию за недостаток свобод, а с другой – находил рациональные основания для сохранения и укрепления законного порядка монархии.

Но обратимся к более радикальным авторам; обратимся к такой важной фигуре русского революционного пантеона, как Н.Г. Чернышевский. Как утверждает крупнейший современный исследователь творчества Чернышевского, В.Ф. Антонов, в Великих реформах 60-х гг. XIX в. Чернышевский находил подтверждение исторически прогрессивной роли абсолютной монархии; более того, Чернышевский считал, что монархия способна повести Россию по пути преобразований из бюрократически-централизованного деспотизма к свободной, самоуправляющейся федерации коммун [34]. Итак, Российская монархия способна (по крайней мере – теоретически) выступать проводником весьма радикальных идей прогресса!

Вспомним другую ключевую фигуру русского революционизма – отца-основателя анархизма М.А. Бакунина. По поводу тех же реформ 60-х гг. XIX в. Бакунин писал в брошюре с характерным названием «Романов, Пугачев или Пестель»: «Теперь с кем, куда и за кем мы пойдём? <...> Скажем правду; мы охотнее всего пошли бы за Романовым, если б Романов мог и хотел превратиться из петербургского императора в царя земского. Мы потому охотно стали бы под его знаменем, что сам народ русский ещё его признаёт, и что сила его создана, готова на дело, и могла бы сделаться непобедимой силой, если б он дал ей только крещение народное»¹. Противопоставляя «народного» царя петербургской централизованно-бюрократической Империи, Бакунин критиковал дурные стороны бюрократического абсолютизма: «Это бесконтрольное право на зло, немощь на добро, – право быть пассивным и далеко не почтенным орудием в руках лакеев придворных, министерских и канцелярских, – право чуждаться России, не знать её, мутить её, – право свергнуть её в кровавую революцию» [35]. Но практически в тех же словах критиковали издержки бюрократизации и мыслители XVIII в., такие, как Н.И. Панин или Г.Р. Державин, и ультраконсерваторы конца XIX в. – например, С.Ф. Шарапов или Л.А. Тихомиров, чья фундаментальная «Монархическая государственность» изобилует ссылками на труды Монтескье...

Заключение. Монархизм – это специфический способ рассуждать о положении дел в России, опирающийся на заимствованный на рубеже XVII–XVIII вв. глоссарий «форм правления», творчески переосмысленный на русской почве. Этот феномен ограничен во времени (от петровской эпохи до падения Империи в 1917 г., прихода к власти большевиков и последующего доминирования марксистского социального языка) и поэтому не является элементом национальной «мета-традиции», единой от Рюрика до Николая II (в построениях некоторых представителей отечественного этатизма – и далее, с включением советских и даже постсоветских руководителей), неким предопределённым культурным кодом. Внутри этого временного периода монархизм не может быть сведён к границам какой-то одной «промонархической» идеологии [36].

Итак, огромное разнообразие возможных коммуникативных действий (весьма сжатый очерк этого разнообразия я постарался привести в настоящей статье) позволяет признавать монархизм – понятый как манера говорить об общественно значимых проблемах – дискурсом, игравшим стержневую роль в русской политической культуре XVIII – начала XX вв. Подчеркну в заключение: взгляд на монархизм как на часть традиции, исторически изжитой (либо, в альтернативной почвеннической трактовке – нуждающейся в возрождении), является чрезмерно легким пониманием, которое лишь затрудняет попытки глубокой исторической реконструкции. После 1917 г. монархический дискурс на русской почве оказался разрушен и теперь, говоря словами Гегеля, мы можем «не омолодить, а лишь понять» его. Но без подобного понимания сегодня невозможно сколько-нибудь плодотворное изучение социальной и культурной истории России.

Примечания:

1. Худушина И.Ф. Царь, Бог, Россия: Самосознание русского дворянства, конец XVIII – первая треть XIX вв. М.: Институт философии РАН, 1995.

¹ Бакунин М. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. Избранные сочинения. Т. III. М., 1920.

2. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика // Под ред. В.Я. Гросула. М.: Прогресс-традиция, 2000.
3. Русский консерватизм: проблемы, подходы, мнения. «Круглый стол» // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103-133.
4. Репников А. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007.
5. Raeff M. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800*. NewHaven: YaleUniv. Press, 1983.
6. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1-2. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
7. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999.
8. Ясин Е. Приживется ли демократия в России? М.: Новое издательство, 2005.
9. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008.
10. Wagner P. *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. L.: Sage, 2001.
11. Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: К проблеме адаптации западных идей и практик в Российской Империи. М.: РОССПЭН, 2008.
12. Данилевский И.Н., Юрганов А.Л. «Правда» и «вера» русского средневековья // Одиссей: Человек в истории. Культурная история социального. М., 1998.
13. Киселев М.А. Правда и закон во второй половине XVII – первой четверти XVIII века: От монарха-судьи к монарху-законодателю // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2012.
14. Юрганов А.Л. Категории русской средневековой культуры. М.: МИРОС, 1998.
15. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1981.
16. Филюшкин А.И. Андрей Михайлович Курбский: просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007.
17. Временник Ивана Тимофеева. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
18. *Monarchisms in the Age of Enlightenment: Liberty, Patriotism, and Common Good*. Edited by H. Blom, J.C. Laursen and L. Simonutti. Toronto: University of Toronto Press, 2007.
19. Живов В.М. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры: в 2 т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1.
20. Marker G. *Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.
21. Феофан Прокопович. Слова и речи поучительныя, похвалныя и поздравительныя. Ч. 3. СПб.: 1765.
22. Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
23. Bushkovitch P. *Political Ideology in the Reign of Peter I: FeofanProkopovich, Succession to the Throne and the West* // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. №. 11 (2012). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology (дата обращения: 31.10.2013)
24. Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003.
25. Марк Туллий Цицерон. Диалоги. М.: Ладомир; Наука, 1994.
26. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
27. [Сперанский М.М.] План государственного преобразования графа М.М. Сперанского (Введение к уложению государственных законов 1809 г.) М.: Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерев и К. Пимен, 1905.
28. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003.
29. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора М.: 1999.

30. Фонвизин Д.И. Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собрание сочинений в 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во худ.лит-ры, 1959. Т. 2. С. 254-267.

31. Галиулина М.В. Конституционализм в России во второй половине XVIII – начале XIX веков. Дис. ... канд. ист. наук. Курган: Курганский гос. ун-т, 2004.

32. Захаров В.Ю. Очерки по истории российского и западноевропейского конституционализма второй половины XVIII – первой четверти XIX в. М.: Моск. гуманитар. ун-т, 2007.

33. Давыдов М.А. Оппозиция Его Величества. Дворянство и реформы в начале XIX века. Gottingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994.

34. Антонов В.Ф. Н.Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста. М.: Эдиториал УРСС, 2000.

35. Бакунин М. Романов, Пугачев или Пестель // Бакунин М. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1920.

36. Комова Н.Б. Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв. Автореф. ... дис. д-ра юр. наук. Ростов-на-Дону, 2012.

References:

1. Khudushina I.F. Tsar', Bog, Rossiya: Samosoznanie russkogo dvoryanstva, konets XVIII – pervaya tret' XIX vv. M.: Institut filosofii RAN, 1995.

2. Russkii konservatizm XIX stoletiya. Ideologiya i praktika // Pod red. V.Ya. Grosula. M.: Progress-traditsiya, 2000.

3. Russkii konservatizm: problemy, podkhody, mneniya. «Kruglyi stol» // Otechestvennaya istoriya. 2001. № 3. S. 103-133.

4. Repnikov A. Konservativnye kontseptsii pereustroistva Rossii. M.: Academia, 2007.

5. Raeff M. The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600-1800. NewHaven: Yale Univ. Press, 1983.

6. Akhiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. 1-2. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998.

7. Mironov B.N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.). Genezis lichnosti, sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. T. 2. SPb.: Dmitrii Bulanin, 1999.

8. Yasin E. Prizhivetsya li demokratiya v Rossii? M.: Novoe izdatel'stvo, 2005.

9. Paips R. Russkii konservatizm i ego kritiki: Issledovanie politicheskoi kul'tury. M.: Novoe izdatel'stvo, 2008.

10. Wagner P. Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory. L.: Sage, 2001.

11. Sharf K. Monarkhiya, osnovannaya na zakone, vmesto despotii. Transfer i adaptatsiya evropeiskikh idei i evolyutsiya vozzrenii na gosudarstvo v Rossii v epokhu Prosveshcheniya // «Vvodya nruvy i obychai Evropeiskie v Evropeiskom narode»: K probleme adaptatsii zapadnykh idei i praktik v Rossiiskoi Imperii. M.: ROSSPEN, 2008.

12. Danilevskii I.N., Yurganov A.L. «Pravda» i «vera» russkogo srednevekov'ya // Odissei: Chelovek v istorii. Kul'turnaya istoriya sotsial'nogo. M., 1998.

13. Kiselev M.A. Pravda i zakon vo vtoroi polovine XVII – pervoi chetverti XVIII veka: Ot monarkha-sud'i k monarkhu-zakonodatel'yu // «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda. T. 1. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.

14. Yurganov A.L. Kategorii russkoi srednevekovoi kul'tury. M.: MIROS, 1998.

15. Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim. M.: Nauka, 1981.

16. Filyushkin A.I. Andrei Mikhailovich Kurbskii: prosopograficheskoe issledovanie i germeneticheskii kommentarii k poslaniyam Andreyu Kurbskogo Ivanu Groznomu. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007.

17. Vremennik Ivana Timofeeva. M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1951.

18. Monarchisms in the Age of Enlightenment: Liberty, Patriotism, and Common Good. Edited by H. Blom, J.C. Laursen and L. Simonutti. Toronto: University of Toronto Press, 2007.

19. Zhivov V.M. Tsar' i Bog. Semioticheskie aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii // Uspenskii B.A. Izbrannye trudy. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury: v 2 t. M.: Gnozis, 1994. T. 1.

20. Marker G. Imperial Saint. The Cult of St. Catherine and the Dawn of Female Rule in Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.

21. Feofan Prokopovich. Slova i rechi pouchitel'nyya, pokhvalnyya i pozdravitelnyya. Ch. 3. SPb.:1765.
22. Feofan Prokopovich. Sochineniya. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1961.
23. Bushkovitch P. Political Ideology in the Reign of Peter I: Feofan Prokopovich, Succession to the Throne and the West // DHI Moskau: Vorträge zum 18. und 19. Jahrhundert. 11 (2012). [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.perspectivia.net/content/publikationen/vortraege-moskau/bushkovitch_ideology (data obrashcheniya: 31.10.2013)
24. Ekaterina II. O velichii Rossii. M.: EKSMO, 2003.
25. Mark Tullii Tsitseron. Dialogi. M.: Ladimir; Nauka, 1994.
26. Karamzin N.M. Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh. M.: Nauka, 1991.
27. [Speranskii M.M.] Plan gosudarstvennogo preobrazovaniya grafa M.M. Speranskogo (Vvedenie k ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.) M.: Tipo-litografiya tovarishchestva I.N. Kushnerev i K. Pimen, 1905.
28. Khenshell N. Mif' absolyutizma. Peremeny i preemstvennost' v razviti zapadnoevropeiskoi monarkhii rannego Novogo vremeni. SPb.: Aleteiya, 2003.
29. Kazanskii P.E. Vlast' Vserossiiskogo Imperatora M.: 1999.
30. Fonvizin D.I. Rassuzhdenie o nepremennykh gosudarstvennykh zakonakh // Fonvizin D.I. Sobranie sochinenii v 2 t. M.; L.: Gos. izd-vo khud.lit-ry, 1959. T. 2. S. 254-267.
31. Galiullina M.V. Konstitutsionalizm v Rossii vo vtoroi polovine XVIII – nachale XIX vekov. Dis. ... kand. ist. nauk. Kurgan: Kurganskii gos. un-t, 2004.
32. Zakharov V.Yu. Ocherki po istorii rossiiskogo i zapadnoevropeiskogo konstitutsionalizma vtoroi poloviny XVIII – pervoi chetverti XIX v. M.: Mosk. gumanit. un-t, 2007.
33. Davydov M.A. Oppozitsiya Ego Velichestva. Dvoryanstvo i reformy v nachale XIX veka. Gottingen: Max-Planck-Institut für Geschichte, 1994.
34. Antonov V.F. N.G. Chernyshevskii. Obshchestvennyi ideal anarkhista. M.: Editorial URSS, 2000.
35. Bakunin M. Romanov, Pugachev ili Pestel' // Bakunin M. Izbrannye sochineniya. T. 3. M., 1920.
36. Komova N.B. Monarkhicheskaya vlast' v konservativnykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh Rossii XVIII–XX vv. Avtoref. ... dis. d-ra yur. nauk. Rostov-na-Donu, 2012.

УДК 94

«Палладиум России»? Монархизм как дискурс российской модерности

Бугров Константин Дмитриевич

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
620002, Свердловская область, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
E-mail: k.d.bugrov@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрена проблема изучения российского монархизма как доминирующего дискурса политической культуры XVIII – начала XX вв. Будучи продуктом творческого переосмысления на российской почве заимствований из западноевропейской и античной традиции, монархизм эпохи Империи выступал стержневым способом обсуждения актуальных социально-политических вопросов в рациональных категориях. Монархизм XVIII–XX вв. не сводится к идеологии российского консерватизма и не может считаться традицией, преодолеваемой в процессе модернизации – скорее, дискурс монархизма и был сутью российской модерности.

Ключевые слова: монархия; форма правления; Российская Империя; модерность; самодержавие; Н.И. Панин; Н.М. Карамзин.